

Библиографические ссылки

1. Арсентьева, Ю.В. О содержании института освобождения от уголовной ответственности / Ю.В. Арсентьева // Рос. следователь. 2005. № 12.
2. Головки, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головки. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
3. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, Б.А. Филимонов. М. : Зерцало-М, 2001.
4. Камынин, И. Международное законодательство о борьбе с коррупцией и нормы УК РФ / И. Камынин // Законность. 2005. № 11.
5. Каплунов, А.И. О классификации мер государственного принуждения / А.И. Каплунов // Государство и право. 2006. № 3.
6. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : моногр. / Н.Н. Ковтун. Н/Новгород : Нижегород. правовая акад., 2002.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М. : Юрайт-Издат, 2004.
8. Конституция Российской Федерации // Изв. 1993. 28 дек.
9. Корневский, Ю. Противоречит ли Конституции прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям? / Ю. Корневский // Рос. юстиция. 1997. № 1.
10. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. Минск : Тесей, 2005.
11. Ларин, А.М. Презумпция невиновности / А.М. Ларин. М. : Наука, 1982.
12. Лукашов, А. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Лукашов // Юстиция Беларуси. 2002. № 4.
13. Лунев, В.В. Криминальная глобализация / В.В. Лунев // Государство и право. 2004. № 10.
14. О гарантиях обвиняемому при прекращении предварительного расследования в связи с истечением сроков давности : решение Конституц. суда Респ. Беларусь № Р-161/2003 от 3 нояб. 2003 г. // Весн. Канстытуц. суда Рэсп. Беларусь. 2003. № 4.
15. О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности : закон Респ. Беларусь № 195-З от 3 мая 2003 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 55. 2/943.
16. Права человека : сб. междунар.-правов. док. / сост. В.В. Щербов. Минск : Белфранс, 1999.
17. Слюсаренко, М.И. Презумпция невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве России / М.И. Слюсаренко, Б.Д. Завидов // Рос. следователь. 2002. № 8.
18. Тетерин, Б.С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Б.С. Тетерин, Е.З. Трошкин. Минск : Тесей, 2001.
19. Шахкелдов, Ф.Г. Актуальные вопросы применения презумпции невиновности обвиняемого / Ф.Г. Шахкелдов // Судья. 2006. № 5.
20. Он же. О содержании презумпции невиновности обвиняемого / Ф.Г. Шахкелдов // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 2.
21. Шиндяпина, М.Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие / М.Д. Шиндяпина. М. : Кн. мир, 1998.

С.В. Рыбак, адъюнкт НПФ Академии МВД
Республики Беларусь

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется недостаточно разработанная в современной юридической науке проблема возникновения в уголовном процессе подозреваемого и надления его статусом участника процесса. Предметом изучения являются правовые нормы законодательства различных этапов исторического развития Республики Беларусь, регламентирующие понятие подозреваемого и его процессуальное положение. Обозначены общие тенденции эволюции нормативно-правового регулирования подозреваемого, проведен сравнительный анализ закрепления данной фигуры и отражения его правового статуса в наиболее важных с исторической точки зрения нормативных источниках с современным законодательством. Наряду с положительными моментами действующего законодательства в исследуемой области отмечается необходимость доработки ряда положений. К числу наиболее острых относятся вопросы о понятии подозрения как основания возникновения подозреваемого в уголовном процессе, функции, реализуемой им при производстве по делу, моменте прекращения участия подозреваемого в уголовном процессе. Освещение и анализ обозначенных проблем сквозь призму истории создает базу для широкого и основательного исследования нормативного закрепления подозреваемого, его положения в разрезе современного процессуального закона.

Изучение любого правового понятия, в том числе подозреваемого как участника уголовного процесса, является более результативным при рассмотрении в историческом плане с момента формирования условий эволюции до современного состояния.

Генезис нормативно-правового регулирования положения подозреваемого в уголовном судопроизводстве изучался на монографическом и диссертационном уровне рядом советских ученых: А.А. Чувилевым, С.А. Колосовичем, Б.А. Денежкиным, В.Г. Кочетковым, Ю.П. Яновичем, А.А. Напреевко, М.П. Шешуновым, Н.А. Козловским. После распада СССР некоторые российские ученые в своих монографиях и диссертациях вернулись к указанному вопросу. Среди них можно выделить А.К. Аверченко, Е.Э. Цибата, П.А. Смирнова, М.Н. Клепова, Ю.Б. Чупилина и др. Данные исследования непосредственно касаются и белорусского законодательства, так как долгое время наше государство являлось частью Российской империи, входило в состав СССР, что и обуславливало идентичность уголовно-процессуального закона. Наряду с этим исторически определены периоды, когда правовая сфера функционировала независимо от мощного российского государства, имея свои особенности и направления развития. Наиболее значимыми являются периоды вхождения нашего государства в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, а также этап образования самостоятельного, независимого, суверенного государства после распада СССР. Исторических особенностей нормативно-правового регулирования статуса подозреваемого в уголовном процессе Республики Беларусь касался в 1992 г. в своем диссертационном исследовании белорусский ученый А.В. Солтанович [6], однако до настоящего времени не подвергалось комплексному изучению правовое регулирование положения подозреваемого в уголовном законодательстве суверенной и независимой Республики Беларусь. В связи с этим возникла необходимость, используя исторический, сравнительно-логический и другие научные методы, исследовать фигуру указанного участника производства по делу, его процессуальное положение и направления законодательного совершенствования в данной области на всей исторической оси развития правовой системы земель, составляющих территорию современной Республики Беларусь.

Анализируя содержание таких нормативных документов, как Судебник Казимира 1468 г., Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., Краткое изображение судебных процессов и тяжб 1715 г., Учреждения для управления губерний 1775 г., Свод законов Российской империи 1833 г., необходимо отметить, что термин «подозреваемый» в данных правовых источниках либо не употреблялся вообще, либо отождествлялся с понятием «обвиняемый». Подозреваемого как самостоятельного участника процесса не существовало, следовательно, не определялся и его правовой статус. В указанных актах в разрозненном, несистематизированном виде регламентировались отдельные права лица, в отношении которого велось уголовное преследование.

Впервые термин «подозреваемый» на законодательном уровне появился в 1860 г. в Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, для обозначения субъекта, подвергаемого уголовному преследованию. В ст. 13, 14 Наказа законодательно закреплены меры пресечения, применение которых влекло появление в деле подозреваемого. В Основных положениях уголовного судопроизводства 1862 г. прослеживается картина последовательной смены статусов лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование: подозреваемый – обвиняемый – подсудимый – осужденный. Большое смысловое значение понятию «подозрение» придал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Заявитель, обратившийся с жалобой к мировому судье, в большинстве случаев указывал, подозревает или обвиняет лицо, в отношении которого подается жалоба. В зависимости от этого оно становилось подозреваемым или обвиняемым, соответственно, имел место тот или иной порядок производства по делу.

Использование терминов «подозреваемый» и «обвиняемый» законодателем разграничивалось в зависимости от степени обоснованности выводов, субъекта постановки вопроса об уголовном преследовании того или иного лица, а также стадии уголовного судопроизводства, в которой данный вопрос поднимался. Эти термины дифференцировались законодателем формально и условно без определения различий между процессуальными статусами данных участников процесса. Так, в ст. 77 Устава уголовного судопроизводства при перечислении мер, принимаемых мировым судьей для пресечения уклонения обвиняемого от суда, сказано: «...когда обвиняемый подозревается...» [11, с. 127]. В ст. 407 указанного документа для обозначения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, законодатель применяет термины «обвиняемый» и «подозреваемый»: «Каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» [11, с. 160].

Итогом Судебной реформы 1864 г. явилось то, что в уголовном процессе сложилась следующая конструкция. Органы полиции при наличии подозрения в причастности лица к совершению преступления передают материалы следователю, который «...объявляет ему, в чем он обвиняется» [11, с. 160],

проводит следствие и направляет дело прокурору окружного суда, выносящему заключение «о предании обвиняемого суду» в форме «обвинительного акта» [11, с. 170], а суд разрешает вопрос о виновности или невиновности лица путем вынесения приговора [11, с. 193–199]. При этом лицо поочередно становится подозреваемым, обвиняемым, а после того как дело разбиралось в суде – подсудимым и осужденным. Однако грани между последовательной сменой данных статусов размыты. Другими словами, подозреваемый не являлся участником уголовного процесса в современном значении этого термина, то есть, прежде всего, носителем определенных прав и обязанностей.

Нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г., касающиеся подозреваемого, просуществовали в неизменном виде до Октябрьской революции 1917 г. и применялись как не противоречащие революционному правосознанию наряду с актами новой власти вплоть до принятия в 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а в 1923 г. – Уголовно-процессуального кодекса БССР.

Молодое советское законодательство позитивно восприняло актуальность подозрения в уголовном процессе в связи с социальной значимостью и необходимостью для уголовно-правовой деятельности. Первые упоминания о подозреваемом как процессуальной фигуре появились в нормативных актах советского государства почти с момента его возникновения. Однако понятие «подозреваемый» было в правовом смысле неопределенным, часто использовалось в различных, порой противоречащих друг другу смыслах (ст. 27, 28 инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», ст. 12 Положения о военных следователях и др.).

Первый УПК РСФСР был принят 25 мая 1922 г., действие которого с 15 июля 1922 г. распространилось на территорию нашего государства. Данный документ содержал ряд норм, определявших некоторые аспекты участия подозреваемого в уголовном процессе. Статьи 105, 148 указанного акта предусматривали задержания подозреваемого лица, а также в исключительных случаях применение к нему меры пресечения. В то же время понятие подозреваемого, порядок его допроса УПК не регламентировал [10].

ЦИК БССР 30 марта 1923 г. утвердил и с 15 апреля ввел в действие новый УПК БССР, в соответствии с которым производство дознания осуществлялось в форме, аналогичной той, которая была предусмотрена Уставом уголовного судопроизводства. Сохранился порядок, при котором лицо сначала допрашивалось в качестве подозреваемого, а затем, при достаточном подтверждении подозрений, привлекалось и допрашивалось в качестве обвиняемого [3, с. 5]. Таким образом, подозреваемым являлось любое лицо, в отношении которого у органов дознания или следователя возникло подозрение. Никакого процессуального акта, ставящего гражданина в положение подозреваемого, в то время не было. Ни УПК РСФСР 1922 г., ни УПК БССР 1923 г., ни вносимые в них в последующем изменения и дополнения не определили совокупность прав интересующего нас участника процесса, оставив неопределенным его правовой статус [8].

В 30-е гг. XX в. этап подозрения становится обязательным при расследовании уголовных дел, укрепляется практика обязательного допроса лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, сначала в качестве подозреваемого. Тем самым значение привлечения в качестве обвиняемого свелось к простой формальности, выполняемой в конце следствия. На этапе подозрения применяются почти все принудительные меры, применявшиеся ранее к лицу после предъявления обвинения. Более того, на следователя и органы дознания не возлагалась обязанность разъяснять подозреваемому даже сущности подозрения, что существенно нарушало права этого лица [1, с. 21].

Во второй половине 30-х гг. законодатель предпринял попытку устранить описанные выше правоограничения. Так, специальный циркуляр Прокуратуры СССР от № 41/26 «О повышении качества расследования» от 5 июня 1937 г. обязывал орган уголовного преследования «...при допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования „подозреваемый“ и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении подозреваемого» [7, с. 101].

Указанный правовой акт директивным способом из практики искоренял фигурирование при производстве по делу лица в положении подозреваемого вместо того, чтобы устранить неопределенность статуса данного участника, то есть по сути ликвидировал само понятие «подозреваемый». При наличии данных, указывающих на совершение лицом преступления, оно привлекалось в качестве обвиняемого.

Таким образом, практика пошла по пути привлечения граждан в качестве обвиняемых лишь по одному подозрению, без достаточных доказательств, что открывало простор для произвола и беззакония. В УПК же фигура подозреваемого по-прежнему была регламентирована рядом статей.

В результате идея подозрения, заложенная еще в начале XVIII в. как основа появления в уголовном судопроизводстве подозреваемого, к середине XX в. значительно исказилась. Указанный участник процесса искусственно устранялся из производства по делу и отсутствовал в нем более 20 лет. При наличии подозрения о совершении лицом преступления оно допрашивалось в качестве свидетеля либо привлекалось в качестве обвиняемого.

Годы Великой Отечественной войны, а также последовавшего за ними периода восстановления народного хозяйства не принесли существенных законодательных изменений в правовой статус подозреваемого.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. подтвердили необходимость наличия фигуры подозреваемого как самостоятельного участника уголовного процесса, отнеся его показания к источникам доказательств (ст. 16), установив основания и порядок задержания подозреваемого (ст. 32) и применения к нему меры пресечения (ст. 33), перечислив его права в случаях задержания и применения к нему меры пресечения заключения под стражу (ст. 32, 33), а также предусмотрев допрос подозреваемого в числе неотложных следственных действий (ст. 29) [4, ст. 15].

Несмотря на указанные преобразования, Основы не дали четкого ответа на вопросы о том, кого следует считать подозреваемым, каково его процессуальное положение в тех случаях, когда к нему применено не заключение под стражу, а иная мера пресечения и др. Ответы на эти вопросы частично были даны уже в УПК БССР 1960 г., который, восприняв концептуальные положения Основ, в своих нормах уточнил и конкретизировал правовое положение подозреваемого в уголовном процессе. Впервые у подозреваемого появились предусмотренные законом права на обжалование действий и решений лица, производящего дознание, следователя (ст. 218), дачу показаний на родном языке и пользование услугами переводчика (ст. 12), заявление отводов следователю и лицу, производящему дознание (ст. 47) и другие [5].

Однако и в этом, прогрессивном для своего времени, законодательстве подозреваемый прямо не отнесен к участникам процесса, не дано его определение, а процессуальный статус регламентирован рядом статей, размещенных в различных разделах УПК. Законодателем не приведен исчерпывающий перечень оснований появления подозреваемого в уголовном деле, а также прекращения его участия. Критике в научных кругах также подвергался объем полномочий данного участника процесса, который не обеспечивал в полной мере соблюдение прав и законных интересов личности. Законодатель, наделяя обвиняемого правом на отвод прокурора, правом знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по предъявленному ему обвинению, представлять доказательства, собственноручно записывать свои показания, знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта и другими, в то же время не предоставляет аналогичные права подозреваемому. Как отмечал А.Ф. Вишневецкий, «...законодательство в государстве по-прежнему основывалось на директивных указаниях Коммунистической партии, выработанных на съездах и пленумах. В связи с этим многие положения и правовые нормы вводились в законодательные акты с пропагандистской целью и не имели реальных гарантий» [2, с. 290]. В дальнейшем позитивных изменений, касающихся четкой регламентации правового статуса подозреваемого, не происходило, несмотря на то что его несовершенство неоднократно подчеркивалось в работах ученых-юристов.

В 1991 г. Республика Беларусь приобрела суверенитет, но преобразования правовой системы произошли не сразу. Вплоть до начала XXI в. действовали нормы УПК БССР 1960 г. В 1999 г. отечественным законодателем в рамках проводимой правовой реформы был подготовлен проект нового, современного и прогрессивного УПК Республики Беларусь, который принес коренные изменения в регламентацию статуса подозреваемого при производстве по делу. В УПК 1999 г., разработанном на основании положений Конституции Республики Беларусь 1994 г., а также ряда международных нормативных документов по правам человека, нашли отражение ряд новых прогрессивных моментов, касающихся положения подозреваемого. Прежде всего, подозреваемый включен в перечень участников процесса. В ст. 40, 41 нового Кодекса законодателем сформулировано определение подозреваемого, перечислены основания его появления в уголовном деле и прекращения участия в производстве по делу, в систематизированном виде представлен перечень его прав и обязанностей [9]. Вместе с тем действующий уголовно-процессуальный закон не смог в полной мере урегулировать весь спектр правоотношений, возникающих в связи с участием в производстве по материалам и уголовным делам подозреваемого. По нашему мнению, проработки требуют вопросы о понятии подозрения как осно-

вании возникновения подозреваемого в уголовном процессе, функции, реализуемой им при производстве по делу, моменте прекращения участия подозреваемого в уголовном процессе и др.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что нормативно-правовое закрепление положения подозреваемого на разных этапах отечественной истории происходило сложно, то набирая интенсивность, то ослабевая или даже исчезая из правовой сферы, однако общее направление такого развития можно охарактеризовать как эволюционно-прогрессивное – от простых форм к более совершенным, создающим ряд новых, отвечающих современным реалиям, гарантий реализации подозреваемым своих прав.

Библиографические ссылки

1. Аверченко, А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.К. Аверченко. Томск, 2001.
2. Вишневский, А.Ф. История государства и права Беларуси / А.Ф. Вишневский. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003.
3. Напреенко, А.А. Подозреваемый как участник уголовного процесса / А.А. Напреенко // Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства в свете постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» : сб. науч. тр. / отв. ред. И.Ф. Пантелеев. М., 1980.
4. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1959. № 1.
5. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь от 29 дек. 1960 г. в ред. закона Респ. Беларусь от 9 окт. 2000 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2006.
6. Солтанович, А.В. Право подозреваемого на защиту в уголовном процессе Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Солтанович. Минск, 1992.
7. Специальный циркуляр 05 июня 1937 г. № 41/26 «О повышении качества расследования» // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. док. / под ред. С.А. Голунского. М., 1955.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : офиц. текст с изм. на 15 апр. 1957 г. и с прил. систематизир. материалов. Минск : Гос. изд-во БССР, 1957.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст кодекса по состоянию на 28 янв. 2006 г. Минск : Амалфея, 2006.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : введен в действие с 1 июля 1922 г. Гомель : Гомпечать, 1922.
11. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / редкол.: О. Чистяков (гл. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8 / Б. Василевский [и др.].

А.Г. Свєргун, преподаватель кафедры гражданско- и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА В СИСТЕМЕ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Правовой статус юридических лиц системы МВД регламентирован различными нормативными правовыми актами. В систему МВД Республики Беларусь входят различные государственные организации, в том числе органы и подразделения внутренних дел, внутренние войска, которые являются не только государственными органами исполнительной власти, осуществляющими правоохранительную деятельность, но и участвуют в гражданско-правовых отношениях в качестве самостоятельных субъектов права. Вместе с тем гражданско-правовой статус ряда организаций системы МВД с правами юридического лица представляется недостаточно разработанным и определенным, что вызывает трудности при их участии не только в гражданских, но и в налоговых, трудовых, процессуальных и иных отношениях. Отсюда возникает необходимость совершенствования и согласования между собой нормативных правовых актов различных отраслей права, регулирующих правовой статус юридических лиц системы МВД.

В настоящее время в Республике Беларусь действуют различные нормативные правовые акты, регулирующие правовой статус юридических лиц системы МВД. Министерство и его различные подразделения являются не только государственными органами исполнительной власти, осуществляющими правоохранительную деятельность, но и участвуют в гражданско-правовых отношениях как самостоятельные субъекты права. Правовой статус юридических лиц системы МВД Республики Беларусь определен Конституцией Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, постановлениями Правительства Республики Беларусь и